

О ПРОФЕССОРЕ БОРИСЕ ЕФИМОВИЧЕ ЕГОРОВЕ (1955-2021)

Бурно Марк Евгеньевич – профессор, почётный председатель комитета модальностей Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги.

Борис Ефимович пришёл работать на нашу кафедру (кафедра психотерапии РМАНПО) в 1983 г., окончив клиническую ординатуру по терапии во 2-ом Московском мединституте (ныне – Медицинский университет) и проработав 3 года амбулаторным психиатром-психотерапевтом. Старшим лаборантом-врачом и затем клиническим ординатором уже нашей кафедры он написал под руководством профессора В.Е. Рожнова и защитил кандидатскую диссертацию (1988 г.). Тема диссертации: «Комплексная эмоционально-стрессовая психотерапия депрессивного невроза и невротической депрессии». Уже тогда доктор Егоров интересовался поведением бессознательного у своих пациенток в клинике. Нередко они плакали в индивидуальных и групповых беседах с ним. Он и сам пояснял нам, что лечение не поможет, если пациентка «пару раз не взрыднёт». По складу своей души Егоров был несколько авторитарным психотерапевтом. Такие психотерапевты нередко неплохо помогают своему особому истерическому кругу пациентов. Получше, нежели вежливо-деликатные, мягкие интеллигентные или даже холодновато-изящные психотерапевты-аристократы в духе Карла Юнга. Порою не так плохо помогает психотерапевтическая грубоватость «настоящего, сильного мужчины». Правда, погружаясь по-своему в психоанализ, Егоров проверял его и на наших слушателях в учебных группах («воркшоп», «мастер-класс»). Помнится, он попросил коллег «нарисовать человечка» и убеждённо объяснял слушательницам, забывшим изобразить поясик на платье, что это говорит о неудовлетворённости их *libido*.

Истинный, западный, психоанализ есть тончайший теоретический мир изначально существующих символов, «фундамент подлинной, то есть научной, теоретически обоснованной психотерапии», – в отличие от «донаучной» *клинической классической психотерапии*, основанной на клиницизме. Психотерапевтический клиницизм – искусство (научное искусство, как и вся клиническая медицина). Так полагают многие психологи и врачи.

Французский известный психоаналитик Леон Шерток, хорошо говоривший по-русски (язык его родителей из России), считал, что «в стране Достоевского» будет и психоанализ. Он шутил у нас в клинике в споре с Рожновым: «боюсь, попорчу твоих ассистентов». Но вообще на Западе было принято думать, что загадочно-сермяжная Россия к психоанализу не способна. Ведь для самого Фрейда сексуальность – «духовная сила» (см.: Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Airland, 1994, с. 157).

Пришёл Борис Ефимович Егоров и провозгласил «Российский клинический психоанализ – новую школу». В этом нашем психоанализе Б.Е. Егоров осознанно укладывает специфические психоаналитические понятия-механизмы, изначально-духовные символы (сопротивление, трансфер, сублимация и т. д.) в *любые психотерапевтические процессы и жизненные события* (книга Егорова, которую ниже цитирую, сс. 393-409). Этим, в сущности, и отличается от классического психоанализа национальный клинический российский психоанализ Б.Е. Егорова. Но для того, чтобы рассказывать о малоосознанных и бессознательных переживаниях пациентов клинико-классически, как это делают Корсаков, Блейлер, Кречмер, Ганнушкин, Консторум, – нужны ли психоаналитические термины? Не путает ли это дело? Некоторые психоаналитические понятия-механизмы (термины, символы), в самом деле, сделались клинико-классическими («вытеснение», «психологическая защита»). Но ведь они при этом утратили свою основу (изначально духовную энергию). Обрели основу природную, клиническую.

«Новую школу психоанализа» («российский психоанализ») Борис Ефимович выводит из «Коллективного бессознательного Карла Густава Юнга». Б.Е. Егоров принимает Юнга отважно по-своему даже в том, что как бы не замечает, что юнговское бездонно древнее «коллективное бессознательное» одинаково, «идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным». Как и архетипы, из которых оно состоит (Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991, сс. 97-98). Егоров соединяет, смешивает «коллективное бессознательное» (точнее, его название) с «национальным характером «народа». «Коллективное бессознательное Карла Густава Юнга, концепция национального характера, теория этногенеза Льва Николаевича Гумилёва, взгляды на российский этнос публициста Ивана Лукьяновича Солоневича и философа Ивана Александровича Ильина – всё это этапы развития понимания этой постоянно ускользающей мистической данности» (Егоров Б.Е. Российский клинический психоанализ – новая школа. – М.: Академический Проект, ОППЛ; Екатеринбург: Деловая книга, 2002, сс. 12-13, 168). Впрочем, и другие авторы не так редко перемешивали западный психоанализ с материалистическими, иными идеалистическими, религиозными направлениями, обращая внимание лишь на содержание, но не на мироощущение.

Книга, которую сейчас цитировал, самая доступная и замечательно изданная, в отличие от других книг Б.Е. Егорова, выпущенных малым тиражом. Подробности о Борисе Ефимовиче, его творчестве – см. в Википедии. К сожалению, в этой книге с фрагментом картины «Пан» М. Врубеля на обложке почти не рассказывается о живой практической лечебной работе в духе егоровского российского клинического и, как говорили некоторые читатели, «приземлённого», психоанализа. Однако редкими историческими, философскими, вообще общественными материалами, жизненными наблюдениями и бесстрашными высказываниями книга так насыщена, что испытываешь благодарность к автору за его неустанный сосредоточенный, вдохновенный труд в библиотеках старых изданий, диссертаций, за его благодарное чувство к некоторым учёным, о которых рассказывает, сочувствуя их печальной судьбе. Да, есть некоторая авторитарность, но порою справедливая. И Корсаков, Токарский, действительно, могли, как считает автор, рано уйти из жизни от тяжёлых огорчений, причинивших соматическую катастрофу.

Не удивительно, что такого рода докторская диссертация встретила своих противников по дороге к защите. Однако Борис Ефимович, засучив рукава, упорно продвигал свою работу, мгновенно поправляя, добавляя текст и возвращая его рецензентам. Позднее он подробности схваток с критиками опубликует в журнале с продолжением, как детектив.

Профессор В.Е. Рожнов был уже тяжело болен, на кафедре было практически «междоусобица». В телефонном разговоре с Егоровым Рожнов диссертацию не одобрил, не читая её, а Егоров, не сдержавшись, нагрубил беспомощному учителю. Должно быть, он был вне себя в бою за учёную степень, потому что зачем-то рассказывал сотрудникам кафедры, как

именно нагрубил. Повторить эту грубость здесь не могу. Когда грустная Мария Александровна Рожнова приглашала нас домой на поминки, она попросила меня, чтобы только Егоров не приходил. Поминки были очень скромные – несколько человек, считая соседей. Думаю, что всё-таки Борис Ефимович как-то переживал свою грубость к учителю. Он ведь с серьёзным уважением вчитывался в Клятву Гиппократу, о чём есть в его книге с врублёвским «Паном» на обложке. «Учителя, который наставил меня врачебному искусству, я буду чтить как своих родителей, и, в случае нужды...» (с. 516).

В 1997 г. первая докторская медицинская диссертация по психоанализу в России была Б.Е. Егоровым защищена. Тема: «Психоаналитически ориентированная терапия в комплексном лечении пограничных нервно-психических расстройств».

Для того, чтобы понять-прочувствовать психоаналитическую практику Бориса Ефимовича, углубимся в две его статьи, опубликованные в журнале «Психотерапия» за 2013 г. (№№ 5 и 6): «Психоаналитические заметки о некоторых причинах заболеваний у детей», части 1 и 2. Здесь Б. Е. Егоров по-своему, в духе своего российского психоанализа, разрабатывает-преобразует классическое психоаналитическое понятие «Эдипов комплекс». Клинические и жизненные, житейские наблюдения приводят его к тому, что «устоявшаяся» в мифах и художественной литературе любовь матери к своему ребёнку – сущая неправда. «Не зря же основной контингент молящихся в церкви – это женщины, которые бессознательно, иногда сознательно, а чаще полусознательно пытаются замолотить свой грех нелюбви к собственным мужьям, детям, родителям и просто людям». «Вместо того, чтобы проявлять эмпатию, терпение, созидание, поддержку, понимание и т.д., жена-мать начинает цепляться за мелочи, распространяя их до бесконечности и, начиная «истерить», возбуждая всех и вся, обвиняя всех в том, что она сама сделала и тем самым вносит искажение в лечение и выход из болезни ребёнка. Она привыкла оскорблять и обвинять, не задумываясь о доказательствах. Это ведь так просто – обвинить того, кто рядом, чтобы на его фоне гордиться своей возвышенной чистотой и благородством». Всё это происходит в «достаточно благополучных», но тревожных семьях. «Основная идея жены-матери в этой семье – это страх, что муж ей не принадлежит, она взяла не своё». «Лучшее доказательство необходимости существования семьи, являют болезни ребёнка...». «Мать-жена» - ребёнку: « Вот если бы у тебя был грамотный и умный отец, то у нас было бы всё <...> и дальше негатив в отношении мужа-отца». «Жена-мать» «доводит мужа-отца до умопомрачения». Растёт ненависть ребёнка к отцу. Порождается «жесточайшая конкуренция» у мужа и ребёнка. «Искусственно формируется Эдипов комплекс, который начинает уже самостоятельно действовать в организме ребёнка, разрушая его соматическую сферу» (№6, с. 79-80).

Всё это открывается врачом «жене-матери». Претворяется в психотерапевтическую психоаналитическую практику врача, работающего с семьёй. «... как врач, психотерапевт-психоаналитик, как представитель русской медицинской школы, я обязан ставить острые назревшие проблемы и памятуя о том, что «кому от природы многое даётся, с того и больший спрос», особенно если это касается здоровья и благополучия детей, которые в раннем детстве отданы в абсолютное господство матери в душе у ребёнка». Но, конечно, и мужу необходимо напомнить, что жизнь без жены «вообще невозможна» (№ 5, с. 57).

Возможно ли, спросим и себя, – психотерапевтически помочь таким образом подобной больной семье? Предполагаю, что в некоторых случаях возможно. Но для этого необходимо быть клиницистом тонко, верно понимающим клинику, характеры (личностную почву) членов семьи. Необходимо плодотворно уметь сомневаться и трезво, клинито-убедительно доказывать свою жизненную, клиническую правоту. Психотерапевт, склонный к неряшливому размышлению, не способен *клинически доказать* необходимость психотерапевтически поступать в данном случае так, а не иначе. Может наломать дров в психотерапии. Не может он подчас и оценить, на что сам способен в психотерапии, психиатрии. И на что не способен.

Профессор Б.Е. Егоров, наконец, был ведущим известнейших в народе телепередач «Понять. Простить». *Беседы с женщинами, переживающими трудные отношения с мужем*. Полицейские, остановив его машину, радостно его узнавали и, как шутили коллеги, «понимали и прощали». Но ведь и женщины тоже нередко прощали мужей. Те, кто были с Егоровым на экране и те, кто смотрели телевизор.

Ещё Борис Ефимович был Председателем Комитета по этике и защите профессиональных прав в Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиге.

Таков был во всей своей мощной многогранности не так давно ушедший из жизни известный профессор, психотерапевт-психоаналитик Борис Ефимович Егоров.

2023 г.

PROFESSOR BORIS E. EGOROV (1955 – 2021)

Burno M.E.